

Вера Бишицки, г. Берлин, Германия

Вера Бишицки (Vera Bischitzky), Берлин — филолог, славист, редактор и составитель книг, переводчик художественной литературы с русского языка. Перевела множество книг различных авторов, за последние годы исключительно русскую классику – Гоголя, Гончарова, Тургенева, Чехова. В 2010 году за перевод «Мёртвых душ» получила премию имени Гельмута Браэма (Helmut-M.-Braem-Übersetzerpreis). В 2014 году в Ульяновске Вере Бишицки присудили международную литературную премию имени Ивана Гончарова за перевод «Обломова» и особый вклад в изучение и популяризации творческого наследия писателя.

Николай Карамзин в Берлине

Nikolai Karamsin in Berlin

Вера Бишицки, Берлин

Vera Bischitzky, Berlin

2016 г.

СЛАВНАЯ ЛИПОВАЯ УЛИЦА. ПРОГУЛКА ПО БЕРЛИНУ ПО СЛЕДАМ НИКОЛАЯ КАРАМЗИНА

Как известно, в двадцать три года Николай Михайлович Карамзин провёл десять дней в Берлине – моём родном городе. Это навело меня на мысль прогуляться с фотоаппаратом по следам «русского путешественника» и показать фотографии некоторых из тех мест, где Карамзин побывал в Берлине, и портреты некоторых людей, с которыми он встречался. И я прошлась по старому центру города, стараясь запечатлеть подходящие виды. Предприятие непростое, ведь за прошедшие двести лет город очень изменился: больше всего его разрушила Вторая мировая война, но немало перемен и на совести архитекторов разных эпох, вплоть до настоящего времени. Едва ли найдётся сегодня улица в историческом центре, дающая представление о тогдaшнем облике города. Менялось направление улиц, дома сносили и на их месте строили новые, да и сегодня с трудом найдётся в Берлине уголок, где не велись бы строительные работы. Срублена даже часть знаменитых лип на бульваре Унтер ден Линден – здесь строится новая линия метро; Берлинский Городской Дворец, который взорвали в 1950 году, после долгих дискуссий решили восстановить, и на его месте теперь красуется многолетняя стройка, а памятники архитектуры – как, например, здание оперы – затянуты сеткой...

И всё же несколько фотографий исторических зданий или деталей XVIII века у меня набралось – их я хотела бы представить вам, сопровождая цитатами из «Писем русского путешественника». Замечу, что мой маршрут пролегал по следам *литературного героя* «Писем».

Итак, наш путешественник прибыл в Берлин 30 июня 1789 года. Столица Королевства Пруссии уже превратилась в столицу искусств, науки и Просвещения, а население её достигло примерно ста пятидесяти тысяч человек – Берлин стал третьим по величине городом Европы, уступая лишь Парижу и Лондону.

В отличие от Парижа, находящегося за тысячу километров, где уже приближалась Французская революция, в Берлине в этот день, как кажется, царил покойствие.

Остановился он в одной из лучших гостиниц города того времени – в «Английском короле» на улице Брюдерштрассе.

Эта улица – одна из старейших и главнейших улиц исторической части Старого Берлина. Звучный адрес во времена Карамзина, сегодня Брюдерштрассе влечит довольно жалкое существование. Кстати: наш путешественник переводит её как «Братская улица», что не совсем верно: на самом деле название связано с монастырём доминиканского ордена, а монахов по-немецки называют „Brüder“ – ‘братья’. От старой застройки осталось немного – улицу разрушила, главным образом, Вторая мировая война. А от многочисленных элегантных отелей, в том числе – от лучшей гостиницы города конца восемнадцатого столетия - отеля «Париж», и от гостиницы Карамзина - «Английский король» - к сожалению, и следа не осталось.

„Лишь только вышли мы на улицу, я должен был зажать себе нос от дурного запаха: здешние каналы наполнены всякою нечистотою. Для чего бы их не чистить? Неужели нет у берлинцев обоняния?“

Улица Брюдерштрассе
Brüderstraße

Трудно представить себе гигиенические условия в городах – и не только в Берлине - до постройки канализации. Помои и нечистоты выливались на улицу и стекали по открытым канавам между мостовой и тротуаром прямо в реку Шпрее. Впрочем, Берлин в этом отношении вряд ли отличался от других крупных городов того времени. У этой проблемы, к счастью, давно нашлось решение, и воздух в Берлине на удивление приятный и чистый – редкость в большом городе. У нас в черте города очень много зелени, парков, рек и озёр, которые благоприятно влияют на климат.

2

Одна из первых прогулок, разумеется, привела путешественника в самое сердце города, на близлежащий бульвар «Унтер ден Линден» (в переводе с немецкого – «Под Липами»):

„Д* повел меня через славную Липовую улицу, которая в самом деле прекрасна. В середине посажены аллеи для пешеходов, а по сторонам мостовая. Чище ли здесь живут, или испарения лип истребляют нечистоту в воздухе, — только в сей улице не чувствовал я никакого неприятного запаха. Дома не

Липовая улица

Unter den Linden

так высоки, как некоторые в Петербурге, но очень красивы. В аллеях, которые простираются в длину шагов на тысячу или более, прогуливалось много людей.“

Видел бы он эту улицу в её теперешнем состоянии: куда ни кинешь взгляд – повсюду идёт стройка, а местами нет и

**Липовая улица
Unter den Linden**

знаменитых лип, и лишь некоторые фрагменты улицы и сегодня «славны». Но, видимо, такое было во все времена, ведь и в 1822 году Генрих Гейне писал из Берлина: *«Вы удивлены горами нагроможденных здесь строительных материалов и множеством рабочих, которые бродят, болтают, пьют водку и бездельничают. [...] Работы начались еще летом и продлятся долго; но в конце концов здесь появится великолепное сооружение»*. Воистину: «Нет ничего нового под солнцем», как говорится уже в Экклезиасте.

Думая о подарке для Николая Михайловича, я попыталась передать на фотографиях красоту сохранившихся зданий Унтер ден Линден, стараясь, чтобы в композицию не попало ничего чужеродного или уродливого. Пусть в день его рождения радуют только красивые вещи, а подъёмные краны, стройплощадки, траншеи, кабели и заборы я по возможности убрала из кадра... Правда, недавно затеплился огонёк надежды: по новейшему плану развития Берлина улица Унтер ден Линден должна с 2020 года стать пешеходным бульваром. Это было бы чудесно!!! А если опять посадить деревья, взамен срубленных, можно будет прогуливаться, как в старые времена, и тогда, наконец, похвала „славная Липовая улица“ снова окажется справедливой...

**Липовая улица
Unter den Linden**

Липовая улица
Дворец принца Генриха, ныне университет
Unter den Linden

Аллея «Унтер ден Линден» длиной полтора километра была раньше верховой тропой, соединяя Берлинский дворец и охотничьи угодья курфюрстов за городскими воротами – сегодняшний парк Тиргартен. Через тридцать лет после путешествия Карамзина, в 1822 году, Генрих Гейне напишет в одном из путевых писем:

«Право, я не знаю более внушительного зрелища, чем вид на Липы [...] Направо – высокое внушительное здание цейхгауза, новая гауптвахта, университет [во времена Карамзина это ещё королевский дворец] и Академия. Налево – королевский дворец, опера, библиотека и т.д. Здесь одно

роскошное здание теснится к другому. [...] Да, это знаменитые Липы, о которых вы так много слышали. [...] Нарядная толпа движется взад и вперед по Липам. [...] Видите там щёголя в двенадцати пёстрых жилетах? Слышите

глубокомысленные замечания, которые нашёптывает своей донне? Чувствуете запах дорогих духов и помад, которыми он надушен? Он уставился на вас в лорнет, улыбается и взбивает себе волосы. Но посмотрите на прекрасных дам! Что за фигуры! Я становлюсь поэтом!»

Липовая улица

Памятник Вильгельму фон Гумбольдту

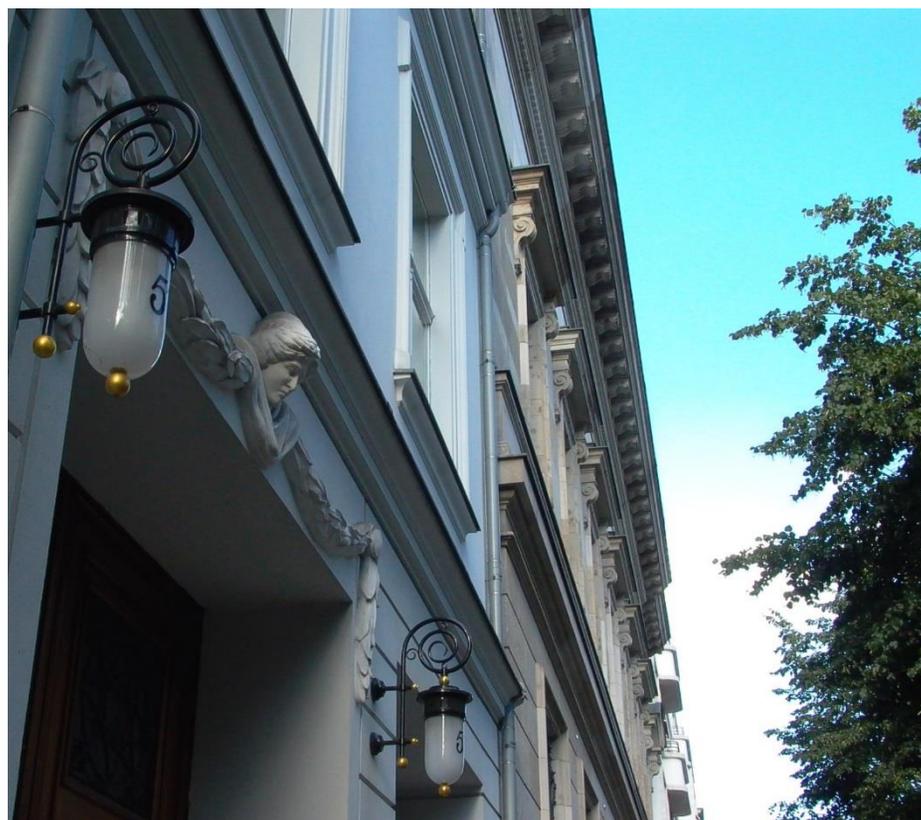
Unter den Linden

„Ныне поутру ходил я с Д* осматривать город. Его по справедливости можно назвать прекрасным; улицы и дома очень хороши“

Неподалёку от Брюдерштрассе сохранилось ещё несколько жилых домов времён Карамзина, наш путешественник наверняка проходил мимо них...

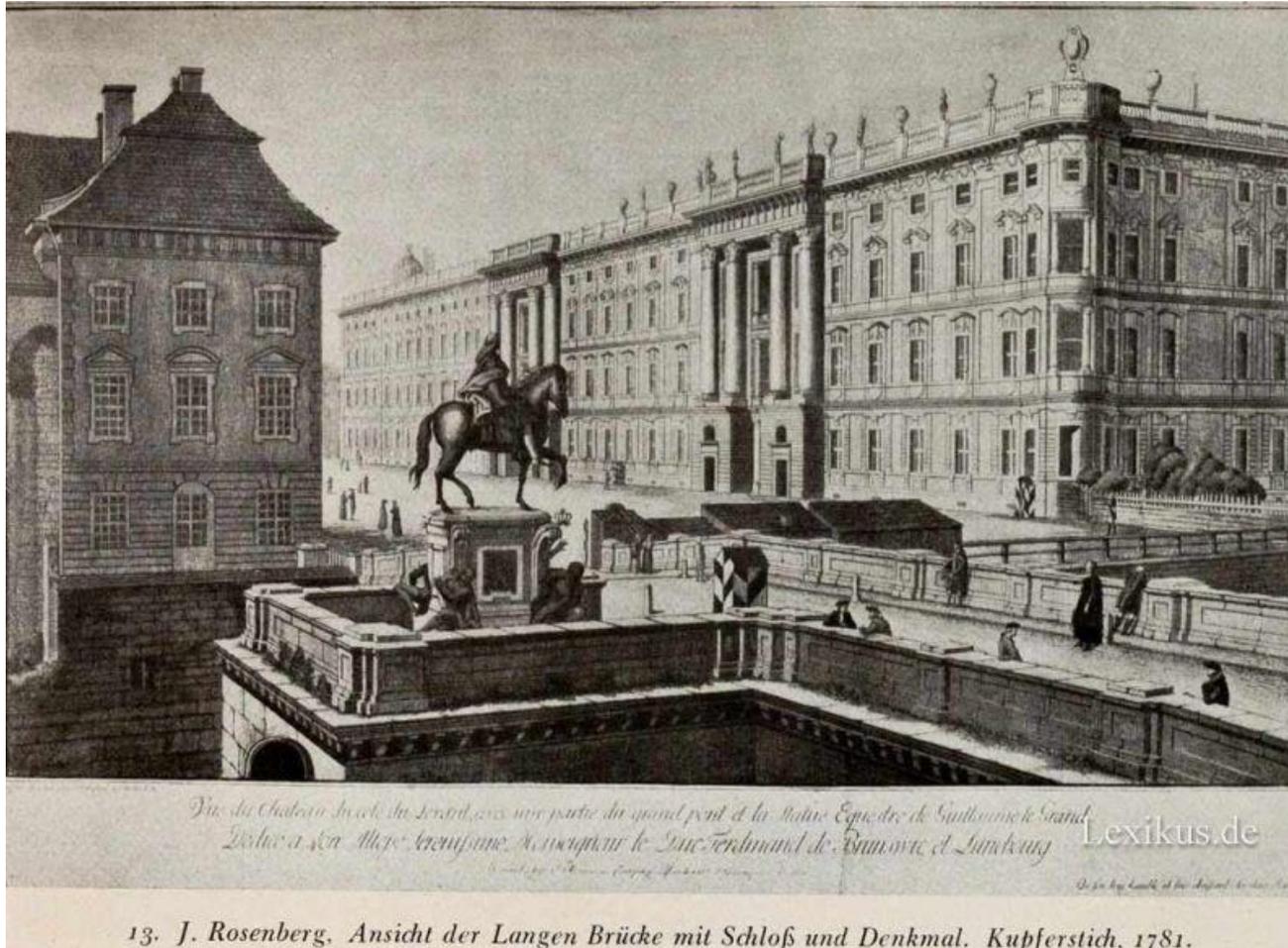

Дом из 18ого века

Дом из 18ого века

«На так называемом Длинном мосту через реку Шпре стоит из меди вылитый монумент Фридриха Вильгельма Великого. Когда русские войска пришли сюда, то некоторые из солдат в забаву рубили его тесаками. Мне показывали сии знаки, которые возбуждают в берлинцах неприятное воспоминание.»

13. J. Rosenberg. Ansicht der Langen Brücke mit Schloß und Denkmal. Kupferstich, 1781.

Длинный мост и замок

Lange Brücke und Schloß

**Монумент Фридриха Вильгельма
Friedrich Wilhelm, der Große Kurfürst**

большой статуей великого курфюрста. Он гордо восседает на коне, и скованные рабы окружают пьедестал. Это великолепная бронза и, бесспорно, наивысшее художественное создание в Берлине. И смотреть на него можно даром, потому что оно стоит посреди моста. [...] Но я вижу, вас толкают со всех сторон. На этом мосту всегда давка!»

«Длинный мост» - Ланге Брюке - тоже переменялся с течением времени. Сейчас его сменил Ратушный мост, и это уже пятое сооружение на этом месте. А конную статую переместили в парадный двор дворца Шарлоттенбург, о котором мы ещё поговорим. Молодой Генрих Гейне пишет: *«Пройдём вместе несколько шагов – и вот мы уже на очень интересном месте. Мы на Длинном мосту. Вы удивлены: да ведь он совсем не длинный? Это ирония, дорогой мой. Постойм здесь минутку и полюбуемся*

Пройдёмся вместе с русским путешественником до Королевской библиотеки. Она находится на бульваре Унтер ден Линден, напротив здания оперы, на площади, изначально называвшейся Площадь оперного театра, сегодня – площадь Бебеля. В здании бывшей Королевской библиотеки сейчас расположен юридический факультет университета имени Гумбольдта.

Королевская библиотека
Königliche Bibliothek

В здании бывшей Королевской библиотеки сейчас расположен юридический факультет университета имени Гумбольдта.

„Мы прошли в Королевскую библиотеку. Она огромна — и вот все, что могу сказать о ней! Более всего занимало меня богатое анатомическое сочинение с изображениями всех частей человеческого тела. Покойный король заплатил за него семьсот талеров. Есть довольно восточных рукописей, на которые я только взглянул. Показывали мне еще Лютеров немецкий манускрипт, но я почти совсем не мог разобрать его, не читав никогда рукописей того века.“

Королевская библиотека

Königliche Bibliothek

Берлинцы называют это здание «комодом», из-за его формы; над входом красуется латинская надпись «*nutrimentum spiritus*» («пища духовная»), из чего берлинцы с присущим им юмором заключили: «Спиритус, стало быть, тоже пища». Во времена Карамзина библиотека насчитывала более 150 000 книг. К 1905 году книжный фонд вырос до 1,2 миллионов книг, и в старом здании ему стало тесно. Так в 1914 году библиотека переселилась в новое здание на противоположной стороне Унтер ден Линден и в 1918 году её переименовали в Прусскую государственную библиотеку.

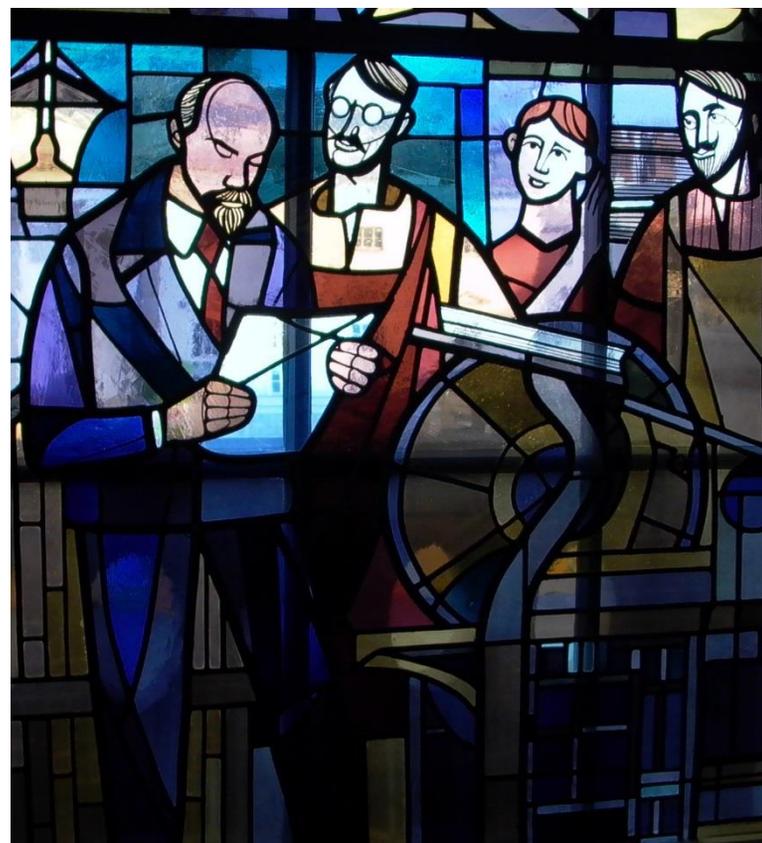
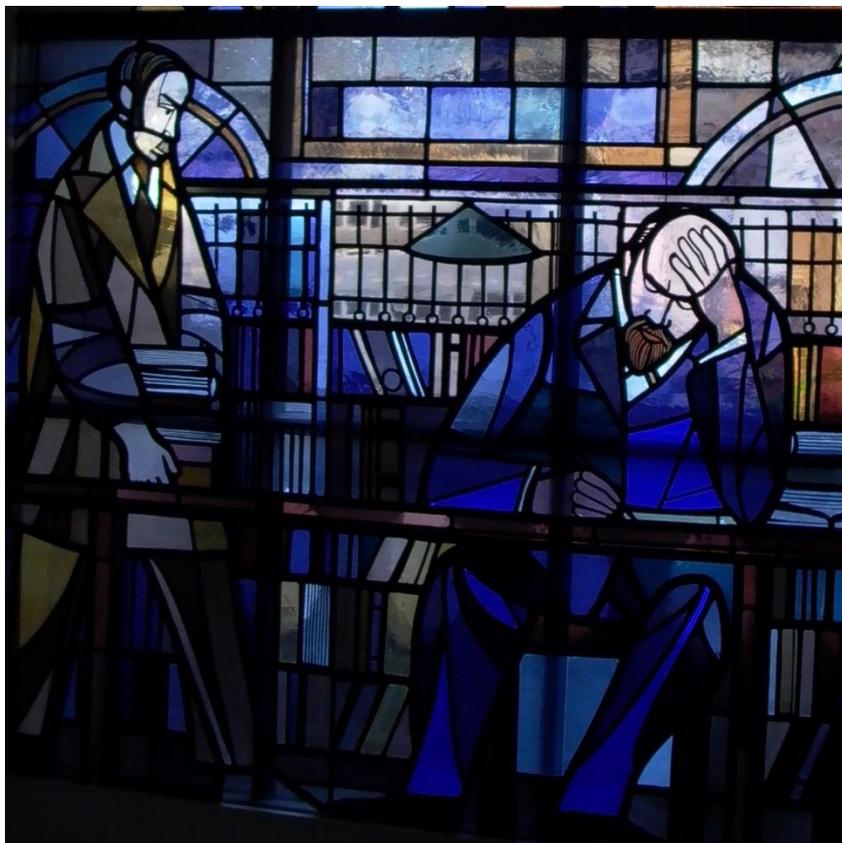

Королевская библиотека. Духовная пища
Nutrimentum spiritus

**Королевская библиотека
Königliche Bibliothek**

Я сфотографировала для вас и окно в читальном зале нынешнего юридического факультета – витраж сделан ещё во времена ГДР и напоминает о ещё одном уроженце Симбирска. В 1895 году в этом здании работал Владимир Ильич Ленин, о чём сообщает запись в журнале читателей «14 августа: Владимир Ульянов, адвокат». Здесь, в большом читальном зале, он изучал сочинения Маркса и Энгельса.

Королевская библиотека
Königliche Bibliothek

Теперь пройдем по бульвару Унтер ден Линден через Бранденбургские ворота (которых во времена нашего путешественника еще не было, ворота установили два года спустя, в 1791 году) и окажемся в парке Тиргартен:

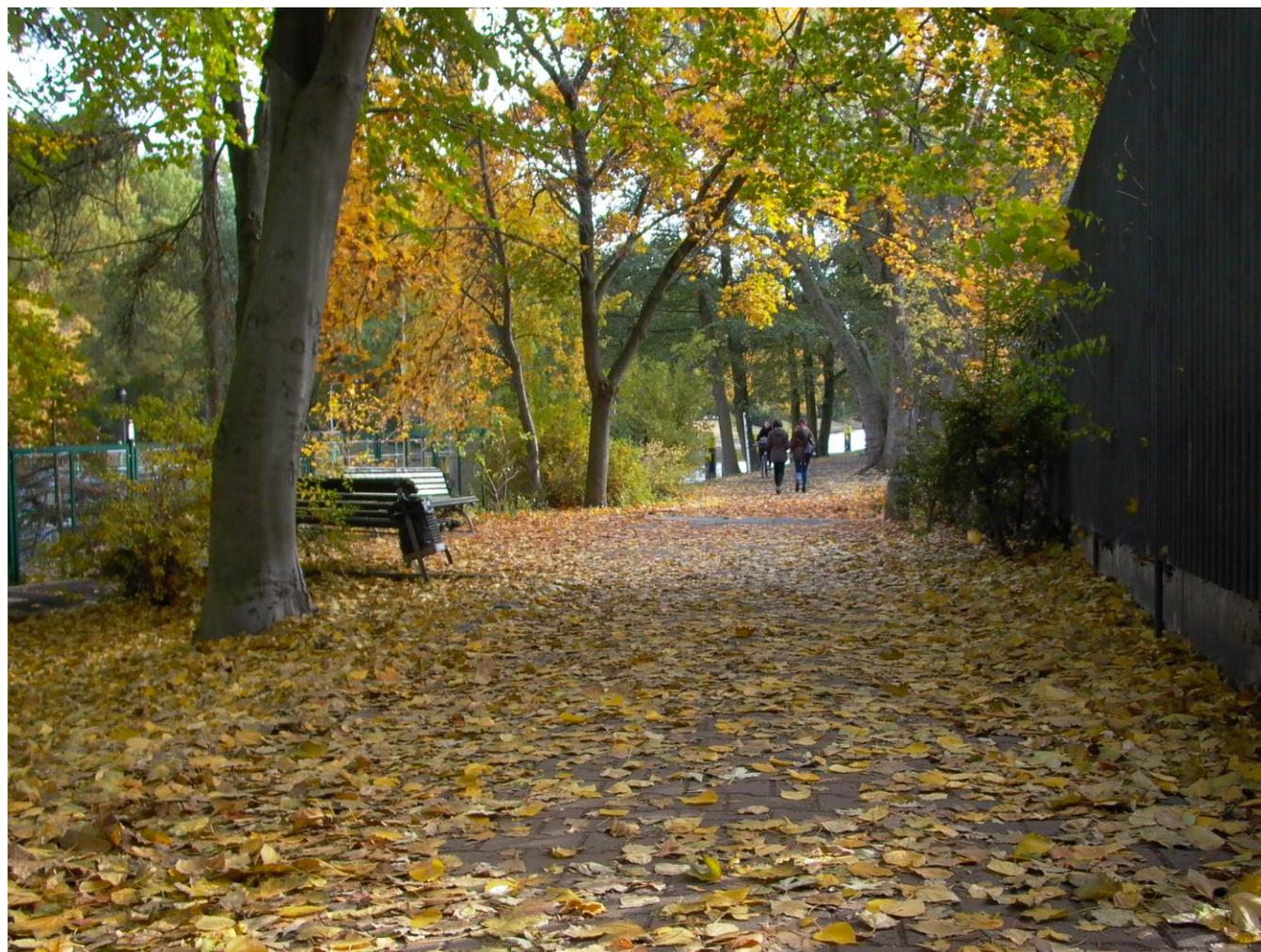

„Вечеру Д* водил меня в зверинец. Он простирается от Берлина до Шарлотенбурга и состоит из разных аллей: одни идут во всю длину его, другие поперек, иные вкось и перепутываются: славное гульбище! [...] В зверинце много кофейных домов. Мы заходили в один из них, чтобы утолить жажду белым пивом (Weißbier), которое мне очень не понравилось.“

«Зверинец»

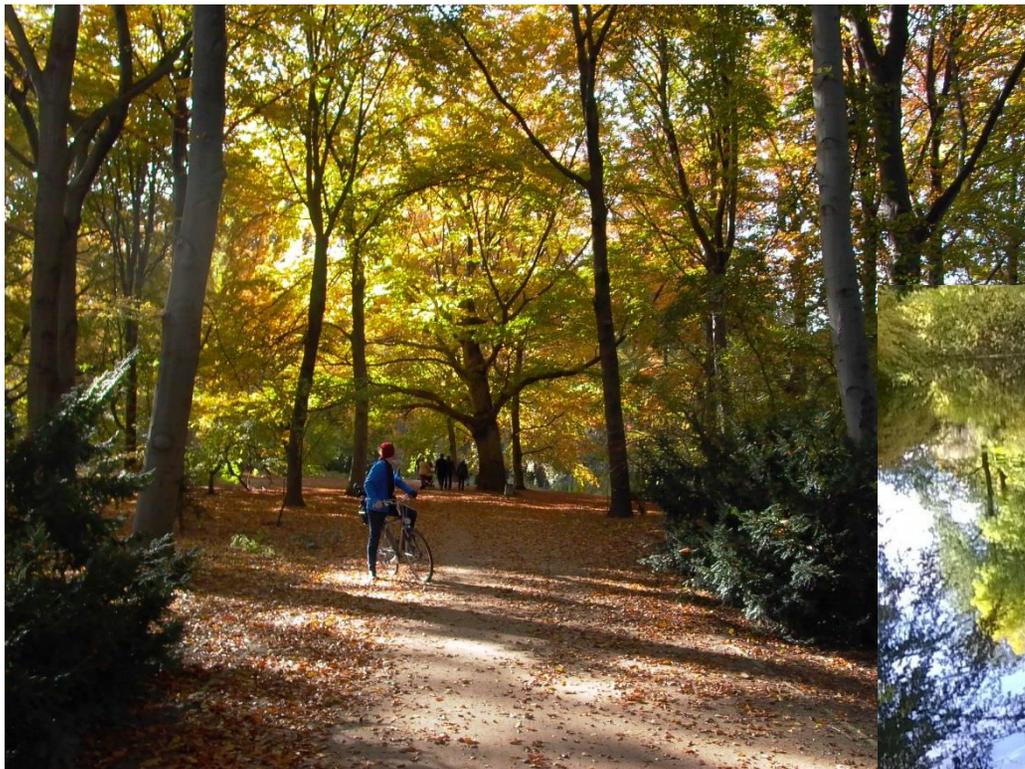
Tiergarten

Да, это действительно *«славное гульбище»!* Кстати, он никогда не был зверинцем, как можно подумать, читая карамзинское описание – Николай Михайлович, вероятно, ошибочно понял немецкое слово. Изначально Тиргартен – ближайший к городу лес, охотничьи угодья Бранденбургских курфюрстов. Но прусский король Фридрих Великий не слишком жаловал охоту, поэтому при нём в 1742 году ограду снесли и превратили Тиргартен в общественный ландшафтный парк для жителей Берлина. Сейчас Тиргартен, «зелёные лёгкие» города площадью 210 гектаров, находится в центре города. Он тоже сильно пострадал от Второй мировой войны. В послевоенные годы берлинцам не хватало угля, и почти все деревья и кустарники пошли на дрова: от двухсот тысяч деревьев осталось около семисот.

**«Зверинец»
Tiergarten**

На местах вырубки берлинцы разбили примерно две с половиной тысячи частных огородов и выращивали там картошку и овощи – прямо за Бранденбургскими воротами. А позже ландшафт восстановили, и сейчас парк Тиргартен, излюбленное место романтических прогулок, стоит во всей красе прежних времён.

«Зверинец»

Tiergarten

«Зверинец»

Tiergarten

Ныне [...] я виделся с известным Николаем, автором и книгопродавцем, живущим в той же улице, где я живу, то есть в Brüderstrasse.

Фридрих Николаи
Friedrich Nicolai

„Он встретил меня с такого ловкостию, с такою учтивостию, какой бы нельзя было ожидать от немецкого ученого и книгопродавца. «Вас знают и в России, — сказал я ему, — знают, что немецкая литература обязана вам частью своих успехов. Приехав в Берлин, спешил я видеть друга Лессингова и Мендельсонова» [то есть, Готтхольда Эфраима Лессинга и Мозеса Мендельсона]. — «Благодарю вас», — отвечал он с улыбкою и посадил меня на софе. [...] — Завтра едет Николай к водам. «Путешествие есть для меня лекарство», — сказал он. Я записал ему на карточке свое имя и пожелал счастливого пути. Потом он так же учтиво проводил меня, как встретил. — Жаль, что он едет. Я хотел бы еще поговорить с ним о некоторых вещах в досужные для него часы. Признаться, сердце мое не может одобрить тона, в котором господа берлинцы пишут. Где искать терпимости, если самые философы, самые просветители, — а они так себя называют, — оказывают столько ненависти к тем, которые думают не так, как они? Тот есть для меня истинный философ, кто со всеми

может ужиться в мире; кто любит и несогласных с его образом мыслей. Должно показывать заблуждения разума человеческого с благородным жаром, но без злобы. Скажи человеку, что он ошибается и почему; но не поноси сердца его и не называй его безумцем. Люди, люди! Под каким предлогом вы себя не мучите! [...]

Прекрасный совет и - очень актуальный в наши дни!!!

Словно чудом дом Фридриха Николаи на Брюдерштрассе сохранился, пережив несколько эпох. Сейчас в нём находится Германский фонд защиты памятников.

В конце XVIII – начале XIX века дом Фридриха Николаи – писателя, издателя, книготорговца, литературного критика и главного представителя берлинского Просвещения – был одним из центров интеллектуальной жизни Берлина. Его знаменитые салоны стали легендой. Здесь же находилось его издательство, книжный магазин и библиотека – вероятно, крупнейшая из частных библиотек в Берлине того времени, которая насчитывала 16 000 томов. Благодаря Николаи во второй половине XVIII века Берлин стал одним из ведущих центров книгоиздания в Европе.

Дом Николая на Брюдерштрассе

Дом Николая на Брюдерштрассе

И этот разносторонне занятый человек принял нашего молодого, в то время совершенно не известного «путешественника», за день до своего отъезда на лечение „к водам“... Неожиданно зайти в гости, спонтанно принять гостей – практики, к сожалению, утраченные в наши дни. Вместо визитных карточек появились автоответчики, смс-ки, звонки по мобильному телефону. Как жаль...

„Иду в театр. В 10 часов ночи. Давно уже не был я так приятно растроган, как ныне в театре. Представляли драму «Ненависть к людям и раскаяние» („Menschenhass und Reue“), сочиненную господином Коцебу, ревельским жителем. Автор осмелился вывести на сцену жену неверную, которая, забыв мужа и детей, ушла с любовником; но она

Театр на Жандарменмаркт

Theater auf dem Gendarmenmarkt

мила, несчастлива — и я плакал как ребенок, не думая осуждать сочинителя. Сколько бывает в свете подобных историй!.. Коцебу знает сердце. [...] Господин Флек (Ferdinand Fleck) играет ролю мужа с таким чувством, что каждое слово его доходит до сердца. По крайней мере я еще не видывал такого актера. В нем соединены великие природные дарования с великим искусством. Г-жа Унцельман представляет жену очень трогательно. В игре её обнаруживается какая-то нежная томность, которая делает ее любезною для зрителя. [...] Вышедши из театра, обтер я на крыльце последнюю

сладкую слезу. Поверите ли, друзья мои, что нынешний вечер причисляю я к счастливейшим вечерам моей жизни? “

Упомянутая пьеса Августа фон Коцебу, автора двухсот тридцати пьес, самого популярного немецкого драматурга тех времен (а позднее – российского генерального консула в Пруссии и члена Российской академии наук) – «Ненависть к людям и раскаяние» – была, по отзывам современников, лучшей его пьесой, от которой приходили в восторг и рецензенты и публика – как это можно понять и по отзыву Карамзина.

Friederike Unzelmann (Gethmann).

Актриса Фридерике Унцельман
Friederike Unzelmann

Joh. Fr. Ferd. Fleck

1757—1801

Nach einem alten Stich.

Актёр Фердинанд Флек
Ferdinand Fleck

На площади Жандарменмаркт, самой красивой в Берлине, нет уже того Прусского Королевского театра, каким его увидел наш путешественник: на его месте спустя тридцать лет возвели новое красивое здание в стиле классицизма. Я всё

же попыталась найти на площади здания и детали, которые можно было увидеть и во времена Карамзина.

Но театр тех времён наверняка удивил бы современную публику. Спектакль, казалось, занимал зрителей только отчасти: во время представления пили пунш и заедали пирожными, стреляли пробки шампанского, слышны были громкие разговоры, некоторые дамы вязали, кто-то прогуливался по залу ... Да, меняются привычки.

Площадь Жандарменмаркт
Gendarmenmarkt

Площадь Жандарменмаркт
Gendarmenmarkt

Площадь Жандарменмаркт

Gendarmenmarkt

А теперь перенесёмся за город: молодой путешественник поехал в Потсдам, посетил там дворцы, и на обратном пути его одолевает приступ мигрени – ужасного недуга, который, к сожалению, хорошо знаком и мне. Позвольте и здесь привести цитату чуть длиннее обычного:

[...] День склонялся к вечеру, и надобно было думать о возвращении [...] и мы поехали назад в Берлин по Шарлоттенбургской дороге. [...] Чем далее ехали мы, тем хуже мне становилось. Раз шесть сходил я с лошади и отдыхал на траве. Ночь застала нас в большом лесу. Наконец я так ослабел, что не мог ни ехать, ни идти пешком и, как полумертвый, лежал под деревом с закрытыми глазами. В лесу царствовала глубокая тишина. Товарищ мой стоял подле меня, держа обеих лошадей, и горевал, не зная, как мне помочь. Одним словом, нас можно было в эту минуту изобразить на одном из тех эстампов, которыми украшаются модные романы! Д*вздумал было искать поблизости какого-нибудь селения, нанять телегу и везти меня в Берлин; но как же было остаться мне одному ночью, в лесу и в такой слабости? Пруссия не Аркадия, и наш век не золотой: меня могли ограбить, а со мною было все мое богатство. Наконец через час я встал и, пожав руку у моего любезного товарища, сказал ему, что мне лучше. С версту прошли мы пешком и сели на лошадей. Смертельная жажда томила меня, и за стакан воды отдал бы я половину своих

Шарлоттенбург

червонцев. Шарлотенбург был от нас еще не близко. Несколько раз надеялись мы видеть его, подъезжали и видели — лес и мрак. Наконец приехали в город; и с жадностью, какой еще никогда в жизни своей не чувствовал, лил я в себя холодную воду. До Берлина оставалась одна миля. Мне хотелось как-нибудь добраться до места, и мы въехали в аллею зверинца. Луна взошла над нами; ясный свет ее разливался по зелени листьев; тихий и чистый воздух упитан был благовонными испарениями лип. И я мог жаловаться в сии минуты — тогда, как мать природа дышала ароматами вокруг меня? Эта ночь оставила во мне какие-то романтические, приятные впечатления. — Городские ворота были уже затворены; однако ж нас впустили.“

Шарлоттенбург – 1 миля до Берлина

Charlottenburg

В Шарлоттенбурге, сегодня это один из районов Берлина, до сих пор на том же месте стоит столб, который известил путешественника о близости столицы. 1 миля соответствует 7,5 километрам. От этого столба хорошо виден Шарлоттенбургский дворец, который я хотела бы показать Вам на снимках. Пришлось и здесь ограничиться фрагментами, потому что вид на здание загораживают подъёмные краны и леса!!

Шарлоттенбург
Charlottenburg

Карл Вильгельм Рамлер

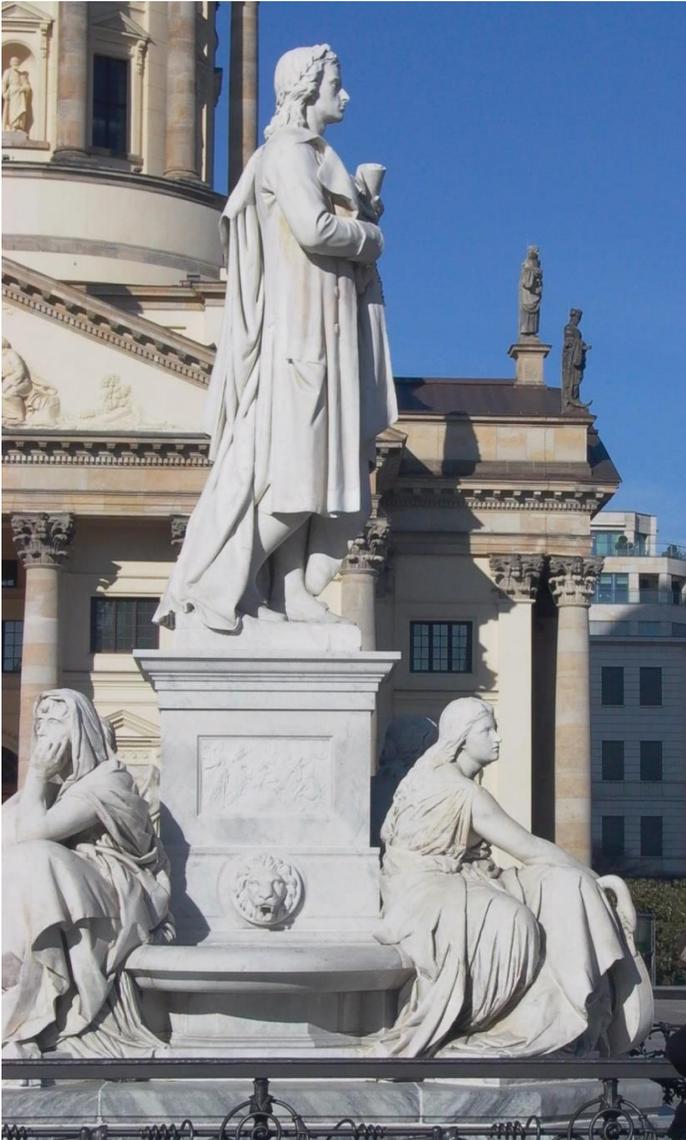
„Ныне был я у старика Рамлера, немецкого Горация. Самый почтенный немец! «Ваши сочинения, — сказал я ему, — почитаются у нас классическими». Ему приятно было слышать, что и в России читают его стихи и знают их цену. Рамлер напитался духом древних, а особливо латинских поэтов. В одах его есть истинные восторги, высокое парение мыслей и язык вдохновения. [...] Сии пиесы, печатаемые в «Берлинском журнале», могут служить примером в искусстве переводить. [...] Стихи свои, еще в рукописи, читает он одной приятельнице, которая, не будучи ученою, имеет природное нежное чувство изящного. «Иногда, — сказал он мне, — я спорю с нею, когда она находит что-нибудь противное в моих сочинениях. «Говорите что хотите, — отвечает она, — я не могу опровергать вас, но остаюсь при своем чувстве». Наконец, подумав хорошенько, нахожу, что она права, и винюсь перед нею». — Мне пришла на мысль Аспазия, которой афинские певцы отдавали на суд свои творения; ушам ее верили они более, нежели своим, — и я думаю, что

женщины вообще могут чувствовать некоторые красоты поэзии живее мужчин. [...] — Рамлер высок, худощав, долгонос; говорит отборно и протяжно.“

Что касается способности женщин судить о поэзии — откажусь, пожалуй, от комментариев... Но хочется подчеркнуть ещё раз: как приятно, что в те времена можно было запросто прийти с визитом к известному человеку, даже не будучи раньше представленным — и быть принятым у него. Конечно, иногда может показаться, что ранний визит незнакомца — это уже перебор: вероятно, так почувствовал себя немецкий поэт Кристоф Виланд в Веймаре, которого русский путешественник, несколько раз не застав дома во второй половине дня, навестил, наконец, в восемь часов утра ... Конечно, нужны были рекомендации, необходимо было иметь визитные карточки, и чувство такта тоже не помешало, но можно ли представить себе такие визиты в наши дни?

„Ныне представляли «Дон-Карлоса», Шиллерову трагедию. Несчастливая любовь принца к его мачехе Елисавете, которая прежде была его невестою, есть содержание сей трагедии. [...] Короля играл Флек, и я еще более уверился в том, что он великий актер. [...]. Г-жа Унцельман трогательно представляла молодую принцессу, влюбленную в принца. — Сия трагедия есть одна из лучших немецких драматических пьес и вообще прекрасна.“

Об актёре Фердинанде Флеке сохранились отзывы современников: он был красивым человеком с выразительной головой, горящим взглядом, крепкой осанкой, а «голос его нужно слышать», как написал один рецензент, «этот несравненный орган редкостной силы и столь же редкого благозвучия». Хотя и верны слова Шиллера об актёрах театра из пролога Валленштейна: „Dem Mimen flicht die Nachwelt keine Kränze“ – «Да! обаянье гибнет вместе с мимом» - но всё же по словам Карамзина и через 230 лет можно немного представить себе талант этого актёра Берлинского театра...

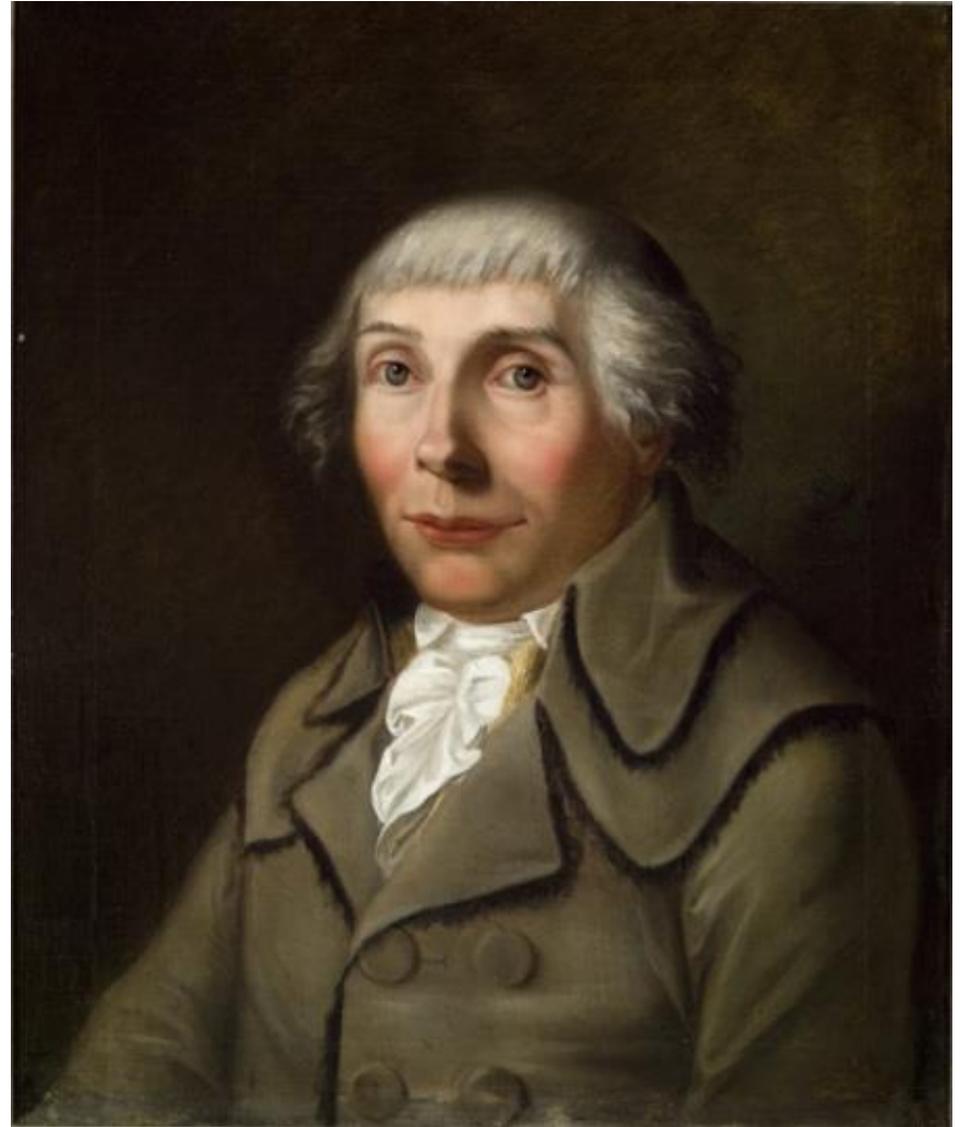

**Памятник Шиллеру на Жандарменмаркт
Schillerdenkmal auf dem Gendarmenmarkt**

«Веди меня к Морицу», — сказал я ныне поутру наемному своему лакею. — «А кто этот Мориц?» — «Кто? Филипп Мориц, автор, философ, педагог, психолог». — «Постойте, постойте! Вы мне много насаказали; надобно поискать его в календаре под каким-нибудь одним именем. Итак (вынув из кармана книгу), итак, он философ, говорите вы? Посмотрим». — Простодушие сего доброго человека, который с важностью переворачивал листы в своем всезаключающем календаре и непременно хотел найти в нем роспись философов, заставило меня смеяться. «Посмотри его лучше между профессорами, — сказал я, — пока еще число любителей мудрости неизвестно в Берлине». — «Карл Филипп Мориц, живет в ***». — «Пойдем же к нему».

Я имел великое почтение к Морицу, прочитав его «Anton Reiser» весьма любопытную психологическую книгу, в которой описывает он собственные свои приключения, мысли, чувства и развитие душевных своих способностей.

[...]

Карл Филипп Мориц

Karl Philipp Moritz

Я представлял себе Морица — не знаю, почему — стариком; но как же удивился, найдши в нем еще молодого человека лет в тридцать, с румяным и свежим лицом! — «Вы еще так молоды, — сказал я, — а успели уже написать столько прекрасного!» Он улыбнулся. — Я пробыл у него час, в который мы перебрали довольно разных материй.“

Дом Морица на улице Мюнцштрассе не сохранился, только мемориальная табличка сообщает о прежнем знаменитом жильце. Но по соседству я нашла здание того же времени – оно было построено в 1775 году – и, наверное, дом, в котором жил Мориц, выглядел похоже.

**Памятник Морицу на Мюнцштрассе
Gedenktafel für Moritz in der Münzstraße**

Перу современного немецкого журналиста Бенедикта Эренца принадлежит замечательное эссе «Десять причин перечитать Карла Филиппа Морица», которое убеждает, *почему* Мориц, которого в наши дни уже почти не знают, все ещё актуальный писатель, которого очень стоит читать: «Потому что он – Просветитель (Aufklärer)... Потому что он первый немецкий романтик (Romantiker)... Потому что он реалист... Потому что он мистик (Mystiker)... Потому что он идиллик (Idylliker)... Потому что он «катастрофик» (Kathastrophiker)... Потому что он – первооткрыватель... Потому что он чудесный педагог... Потому что он – модернист... Потому что он – классик».

Дом в соседстве Морица, 18 век

Дом в соседстве, 18-ый век

„[...] Он спрашивал меня о нашем языке, о нашей литературе. Я должен был прочесть ему несколько стихов разной меры, которых гармония казалась ему довольно приятною. «Может быть, придет такое время, — сказал он, — в которое мы будем учиться и русскому языку; но для этого надобно вам написать что-нибудь превосходное». Тут невольный вздох вылетел у меня из сердца.“

И действительно настало время, когда в Германии не только изучают русский язык, но и заново переводят великих классиков

русской литературы и современных писателей, тем самым пролагая пути, соединяющие наши страны.

В заключение предоставляю слово Томасу Манну, очень любившему русскую литературу. В 20-е годы XX века он составлял «Русскую антологию» и сопроводил её словами: *«Иди в мир, мой сборник, я тебя напутствовал. И пусть я сделал свое дело нехорошо — дело было хорошее. Ибо Россия и Германия должны знать друг друга все лучше и лучше. Они должны рука об руку идти в будущее».*

Присоединяюсь к Томасу Манну и поднимаю бокал в честь Николая Карамзина – великого строителя мостов взаимопонимания наших двух стран.

***